следующие формулы: «всякому чину яко возлюбленный бяше отец» (Лавр. лет. под 1237 г.); «чтяше же паче меры иереискыи и мнишьскыи чин» (Лавр. лет. под 1218 г.); «любяще помногу черноризский и поповский чины» (Лавр. лет. под 1212 г.).

Художественная система похвалы отличается композиционной и стилистической устойчивостью. Единообразие композиции, устойчивость мотивов и стилистических элементов, единая идеологическая направленность дают право считать княжескую похвалу самостоятельным типом летописного повествования. Похвала интересна тем, что представляет собой ядро, из которого могли развиться произведения разных жанров. В развитой трехчастной форме похвала — явление собственно русское. Похвала сложилась в составе летописей; византийских образцов подобной трехчастной похвалы русские книжники не имели, и этим объясняется одна стилистическая особенность похвалы: ей чужда метафоричность библейско-византийского стиля.

При определении жанра «Слова» обнаруживается несомненная связь «Слова» с летописной княжеской похвалой. Эта связь проявляется в первую очередь в том, что «Слово» вобрало в себя все композиционно необходимые элементы похвалы, и поэтому можно считать, что именно похвала явилась одним из жанрообразующих факторов этого произведения. Однако традиционные части похвалы в «Слове» претерпели изменения. В основном изменения сводятся к распространению традиционных частей похвалы. Стилистика похвалы также отразилась в «Слове». Рассказывая о смерти Дмитрия Донского, автор использует лексику и фразеологию, известную похвале: «преставитися», «предати душу богови». Об отпевании и плаче народа говорится в традиции похвалы: «и певше над ним обычное надгробное пение», «и плакашася над ним», «не бе лзя слышати пенья в плачи мнози». Обороты, совпадающие с типическими оборотами похвалы, могут расцениваться как закономерные стилистические элементы «Слова о житии».

В описании горя вдовы князя традиционное «слезы от очию испущаше» превратилось в «огненные слезы от очию испущающи». В похвале обычно говорится о плаче вдовы: «княгини беспрестанно плакаше», в «Слове» горе вдовы представлено гиперболически: «восплакася горкым гласом, огненныа слезы от очию испущающе, утробою распаляюще».

Изменения обнаруживаются и в характеристике героя в «Слове» сравнительно с похвалой. «Слово» сохраняет те же мотивы характеристики князя, но стилистически эти мотивы оформлены в нем иначе: для «Слова» характерна метафоричность стиля, и характеристика героя состоит из ряда метафор.

На основе сопоставления «Слова» с княжескими житиями и летописной княжеской похвалой можно сделать вывод, что «Слово» в том виде, как оно сложилось в Новгородской IV и Софийской I летописях, возникло на пересечении двух литературных традиций: формы житий и летописной княжеской похвалы. Соотносимость «Слова о житии» с похвалой объясняет одну особенность «Слова» — отсутствие развернутого событийного ряда, такого, как например в Житии Александра Невского. «Слово» функционирует как похвала, а не как жизнеописание или историческая повесть; именно поэтому биографическим подробностям и историческим событиям уделено так мало места в «Слове».

Этот вывод подтверждается следующими наблюдениями над историей текста «Слова» в летописании: в ряде летописей (Никаноровской, Вологодско-Пермской и др.) структура похвалы (т. е. композиционно необходимые части похвалы) сохраняется, тогда как отрывки «Слова», не соотно-